

От Сталинграда до Пигаль Два эпизода

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения известного писателя Виктора Платоновича Некрасова. Повестью "В окопах Сталинграда" он открыл новую страницу в литературе, посвященной Великой Отечественной войне. До нее существовала лишь так называемая "генеральская" проза, представлявшая эту страшную войну как перечень бравурных побед, обеспеченных слаженными действиями генералитета. Места для описания подвига тех, кто проливал кровь на полях сражений, кто ценой неимоверного напряжения сил буквально на своих плечах вынес страну к Победе, в таких сочинениях не находилось.

У Виктора Некрасова была странная судьба. Раннее детство он провел во Франции: в Лозанне и Париже. Там же он и окончил свой жизненный путь, оплеванный на родине критикой, исключенный из партии, с полным запретом на любые публикации. Жизнь Некрасова никогда не укладывалась в ровную колею — если фронт и война, то не где-нибудь, а в огненном аду Сталинграда, если первая книга — то на грани самоубийства... В разгар травли на молодого автора-фронтовика неожиданно обрушивается Сталинская премия, и как по мановению волшебной палочки декорации жизни меняются. Однако даже обласканный властью, Некрасов так не сможет стать настоящим советским писателем — широкая ироничная натура с авантюрной жилкой толкает его на все более рискованные эскапады. Например, его книга очерков о путешествиях за границу "По обе стороны океана" доводит Хрущева до такой ярости, что тот требует его исключения из рядов КПСС. Последней каплей становятся речь, которую Виктор Некрасов произнес в Бабьем Яре в 25-ю годовщину еврейского расстрела, и подпись под письмом в защиту киевского писателя Чорновила, репрессированного за "национализм". После обыска, длившегося двое суток, и бесчисленных допросов в КГБ писатель вынужден покинуть страну.

Год столетнего юбилея Некрасова совпадает с еще одной датой — 70-летием начала Великой Отечественной войны. Совпадение кажется символичным. Отмечая этот горестный юбилей, отдавая долг памяти всем искалеченным и уничтоженным войной, нельзя не вспомнить о тех, кто донес и до современников, и до всех будущих поколений жесткую, но очень важную правду о ней. И первое место среди всех ее летописцев было бы справедливо отдать писателю Виктору Некрасову.

Мы печатаем отрывки из книги Виктора Кондырева, пасынка Виктора Некрасова, который в своих воспоминаниях ярко рассказывает о писателе в последний период его жизни.

Полностью книга будет опубликована в издательстве "Астрель".

Булат Окуджава

Письмо с неоконченными стихами было написано на плохонькой, вроде оберточной, бумаге:

Мы стоим с тобой в обнимку возле Сены,
как статисты в глубине парижской сцены,
очень скромно, натурально, без прикрас...
Что-то вечное проходит мимо нас.
Расстаемся мы, где надо и не надо, —
на вокзалах и в окопах Сталинграда
на минутку и навеки, и не раз...
Что-то вечное проходит мимо нас.

"Остальное придумается потом, потому что стихи, суки, не пишутся.

Обнимаю тебя. Всем мой поцелуй. Булат".

Из полнокровной дивизии советских писателей хорошо если можно было набрать сотню-другую нелицемерных, сказал как-то Вика. Писали эти люди о чем угодно, но старались всеми силами не врать по-холоуйски. И Некрасов, и Окуджава были в их числе, искренние и проникновенные, совестливые и интеллигентные.

Когда я как-то сказал им с Булатом, что их творчество очень схоже, Вика чуточку смущенно воскликнул:

— Ты придворный льстец, пащенок! Он лучше! Я никогда не дотягивался, как Булат, до исторических романов!

Булат улыбался и пил вино.

Мне и вправду кажется, что некрасовская проза — очерки, зарисовки и рассказы — по плавности и изяществу напоминают стиль прозы и даже песен Окуджавы. Без напыщенности, без пыли в глаза, хотя, бывало, с нотками пафоса. Иногда чуть кокетничая. Оба они прекрасным языком, по-человечески рассказывали и об обыденном, и о необыкновенном, и даже о вещах невероятных.

Вика писал о людях, городах, странах. Вспоминал музеи, пляжи, архитектуру и выпивки. Булат поэтически описывал горести, радости, любовь, грусть, молодость... Оба писали о войне, о друзьях, о надеждах... Оба счастливым образом почти не осквернились фуфлом социалистического реализма.

В день моего рождения 1981 года я зашел к Вике в кабинет и ударил челом. Просто необходимо умолить Булата на сегодняшний вечер! Он ведь в Париже, звонил уже не раз, все равно собирается прийти. Так пусть уж придет на праздник, вот ахнут-то все друзья-приятели!

Булат на удивление с охотой согласился, только его надо забрать из гостиницы.

Гостиничный номер поэта экзотически благоухал. Громадное блюдо с мощной пирамидой из заморских фруктов и марципанов занимало полкомнаты. Это был презент от мадам Мартини, владелицы всего ночного Парижа, в том числе и ресторана "Распутин", скандально прославленного своими ценами. Булат решил довести эту парижскую фруктовую феерию до своей московской провинции.

— Какая Москва! — возопил ВП. — Витька именинник, у него гости уже сидят, давай их поразим!

Булат поколебался и поглядел на меня, улыбавшегося просительно.

— Раз у Витьки гости, никуда не денешься! — заулыбался и Булат. — Забираем эти плоды Эдема!

Гитарой заpastись мы сразу не додумались, поэтому Булат отдыхал от песен, беседуя с наиболее почтенной публикой — Натальей Михайловной Ниссен и Наташей Тенце.

— Вначале, когда был помоложе, — пощучивал Булат, — я очень хотел за границу, но меня не пускали. А потом уже я хотеть перестал, но меня заставляют ездить. И мы с Рихтером, по сути, единственные, кто зарабатывает для Союза валюту!

Пьяненькая компания долго не решалась притронуться к фруктам, но когда робость побороли, их размели в мгновение ока...

Несколько лет спустя поутру к нам зашел Виктор Платонович и достал из кармана куртки "Огонек".

Эффектным жестом шлепнул журнал на стол:

— Любуйтесь! Нашего Булата пропечатали!

Обложку "Огонька" украшала четырехфигурная композиция из самых знаменитых поэтов Союза.

Цветной групповой портрет — Е. Евтушенко, Р. Рождественский, А. Вознесенский и, чуть с краю, Б. Окуджава. Идущие по заснеженной улице дачного поселка. Первые трое облачены в драгоценные импортные манти из выделанной овчины, а один из властителей дум увенчан, как рында, высоким убором из куньего, полагаю, меха. В их позах чувствовалось достоинство и проскальзывала озабоченность за судьбы Родины. Бу-

лат, в курточке и кепочке, пристроился рядом с этими великолепными щеголями.

— Вы посмотрите! — возбужденно тыкал нам фотографию ВП. — Гляньте на нашего Булатика, разве это советский поэт?! Просто замурышка!

Еще поохал, с нежностью разглядывая Окуджаву. Тут же бросился к телефону и отчитал поэта: все люди как люди, а ты выглядишь водопроводчиком! Булат смеялся, довольный звонком, и они долго прохаживались по московским знакомым и болтали о всякой писательской чепухе. Вика сиял, как всегда после разговора с Окуджавой...

Каждый раз, когда мы с Милой хотели что-нибудь купить Булату или его жене Оле на память о Париже, он говорил мне:

— Да что вы, Витя! Я же богатый человек! У меня море денег! Я все могу купить!

Оля была очень экономной в магазинах, берегла валюту, но от подарков Милы тоже всегда отказывалась.

Позже Некрасов открыл нам глаза на такую непреклонность.

Оказывается, Окуджава почему-то страшно стеснялся вагонного проводника: что тот подумает, увидев несколько чемоданов!

В 1977-м, по-моему, году в Париж приехала большая группа советских поэтов. Устроили поэтический вечер. Евгений Евтушенко, Константин Симонов, еще пяток поэтических светочей и светлячков. И Булат Окуджава. Зал был забит. Много парижан, много русских эмигрантов и тьма работников советского посольства. Поэты сидели на сцене и выступали по очереди. Всем обильно хлопали, для некоторых даже вставали. После своего выступления Булат тут же спустился со сцены и начал пробираться к сидевшему в зале Некрасову. Все головы повернулись в его сторону. На глазах всего зала Булат расцеловался с отщепенцем Виктором Некрасовым!

У поэтов на сцене были неподвижные лица плюшевых мишек, а посольский персонал суетливо зашущукался.

На следующее утро мне было велено привезти Булата к нам в гости.

Раненько подъехав к гостинице на площади Республики, я застал его в вестибюле с кем-то болтающим. Булат громко меня поприветствовал, подозвал и представил своим собеседникам.

Чуть в отдалении стоял Евтушенко, задумчиво смотрел в сторону, может быть, действительно не видя нас с Булатом.

— Познакомся, это Женя Евтушенко! — подтащив меня к поэту, сказал Булат, чтоб сделать мне приятное.

— Мы знакомы, — почтительно сказал я, — вы, наверное, просто не помните...

— Ах да, конечно! — чуть встревожился Евтушенко. — Мы виделись у меня на даче, как же, помню...

Булат подумал, объявил всем, что мы торопимся, сделал ручкой советской делегации, и мы ушли.

— И что, Женя больше ничего не сказал? — удивился Некрасов моему рассказу. — Не спросил ни обо мне, ни о Галке? Странно... Хотя бы позвонил...

Дома, на улице Лабрюйер, мама решила извиниться перед Булатом за скудость стола, не было, мол, времени приготовить, ты, Булатик, уж не слишком ворчи.

— Стоп! Стоп! Стоп! — сказал Булат.

Все замолчали, и он, чуть наклонившись над столом, оглядел не слишком обильную снедь. Вот такой колбасы в Москве нет уже лет пять, говорил он, указывая пальцем на тарелки, этого сыра вообще никогда не было, а семгу у нас едят только миллионеры в фильмах.

— Так что ты, Галочка, не слишком рассыпайся в извинениях, стол прекрасный!

— А хлеб какой у нас, — вскричал ВП, — ты только попробуй! Багет называется, не оторвешься!..

Вечером Булат давал приватный концерт у Степана Татищева. Впервые в Париже!

Я обморочно всполошился: даже магнитофона нет, чтоб записать! К моим воплям Вика отнесся с острым сочувствием — абсолютное, воскликнул, безобразие! Помчались в "Галери Лафайет" и в складчину купили дорогущий магнитофон. Складчина была однобокая, так как ВП внес две трети цены. Роскошный аппарат даже привлек внимание барда, который на кухне у Степана изволил прослушать только что напетые им песни. Я потом магнитофон присвоил, воспользовавшись тем, что Вика деликатно не перечил...

Уже после смерти Виктора Платоновича Мила разговорилась в какой-то компании с Борисом Мессерером. Поинтересовалась заодно, как там семейство Окуджавы живет. Борис вежливо поблагодарил, спасибо, живут хорошо, не бедствуют, сын помогает.

— Как так?! Какое бедствование, ведь это Булат Окуджава! — ахнула Мила.

— Милочка, — вежливо втолковывал Мессерер, — у нас сейчас поэты денег не зарабатывают. Тем более такие талантливые, как Окуджава!

Национализм? Русификация?

В начале семидесятых в Киеве судили Ивана Дзюбу.

В газетах изгаляются над украинскими националистами, поливают их помоями. Мы не особенно верим тому, что пишут, но все же... Как и многие из советских молодых людей, и даже как бы патриотов, я не то чтобы с пылом осуждал националистов, но не одобрял. Какая еще там независимость! Кто там подавляет украинскую культуру?! Какие москали, какие хохлы, ведь мы все прекрасно и в согласии живем на Украине!..

Быстрым шагом уже почти дошли до киевского университета, а я все выпытывал о суде над Иваном Дзюбой.

— Кто он такой? А чего он хочет? Независимости? Зачем ему эта независимость?

— Интеллигентный киевский мальчик. Журналист. Считает, что украинскую литературу притесняют, украинский язык затирают...

Некрасов особо не распространяется, говорит отрывисто. Набросилась советская власть на Ваню, долбаёт его за рукопись "Интернационализм или русификация". А он упрямец и принципиальный, и они наверняка упекут его, хотя он и болеет...

— Человек хочет говорить по-украински, так пусть себе говорит! Он ведь не всегда неправильно рассуждает, — тихо произносит Некрасов.

— Да что ему этот украинский язык?! — я решил щегольнуть эрудицией. — Тоже мне язык, смесь польского со старославянским! Я вот прочел недавно, что украинский язык — это рабский язык!

Никогда не видел, чтобы ВП так разъярился, и никогда не увижу, до самой его смерти.

— Слушай, никогда, б..., не заикайся при мне об этом! Люди идут в тюрьму за свой язык, а ты повторяешь мне газетную фуйню! Никогда не лезь с такими идиотскими высказываниями! Ты понимаешь, честных людей судят за их мысли, вот что самое страшное!

Мне было так стыдно, так ужасно противно, что я запомнил этот разговор слово в слово. А к незнакомому Ивану Дзюбе проникся симпатией...

Иван Дзюба очень нравился Некрасову. В Киеве я часто слышал, как Вика называл его по-настоящему толковым парнем.

Некрасов, бывало, пошучивал, что он сам ревностный приверженец хаотического образа жизни и с младенчества враждует с дисциплиной. При случае прихвастывал, что независим, как сиамский кот. Поэтому ему,

человеку с непредсказуемым нравом, импонировал спокойный, обстоятельный, вероятно, даже педантичный Иван Дзюба.

Как-то через несколько дней после посещения Дзюбы в больнице, по выходе его на свободу после ареста, Вика долго рассказывал нам — Гелию Снегиреву* и мне, — как понравился ему усталый, печальный, но совершенно не озлобленный Ваня.

— Вообще-то, он правильно многое говорит, — кивал головой ВП. — Хотя я и не согласен с его коньком — русификацией Украины. Но смотрите, как его терзают и ломают! Поневоле поверишь в его правоту, раз эти гады так злобствуют...

Вика, бывало, раньше подтрунивал над украинскими националистами. Но потом шутить перестал, поняв, насколько это серьезное дело, раз за него люди идут в тюрьмы и терпят муки.

Вскоре я еще раз подскочил в Киев, просто так, на недельку. И мы вновь гуляли, абсолютно трезвыми, по улице Ленина, и я спросил между делом, как там дела у этого националиста Дзюбы.

— Засудили его! — бросил ВП.

И вдруг заговорил, на удивление горячо, даже с восхищением:

— Как он на суде себя вел! Всем нос утер! Говорят, даже свидетели обвинения боялись смотреть друг другу в глаза! Но дали парню пять лет! Какие суки! Ваня, умница, все их экспертизы опроверг! Но никто не заступился! Никто!

Некрасов отвернулся, а я молчал. Что я мог сказать? Шел рядом и молчал...

Много позже я узнал, что рукопись прославленной книги Ивана Дзюбы "Интернационализм или русификация" Некрасов читал, когда она была еще в форме письма к первому секретарю ЦК Украины Шелесту.

Попав в Париж, Некрасов сразу написал статью "Иван Дзюба, каким я его знаю".

"А вот такие понятия, как порядочность, благородство, терпимость, сердечность, кротость, милосердие, великодушие, ну, и упомянутая уже деликатность, начисто выпали из нашего словаря положительных качеств..."

Враги Дзюбы любят называть его хитрым и опытным демагогом. Это всегда говорят о людях не так хитрых, как умелых, с которыми трудно бороться логическими категориями, поскольку логика на их стороне...

* Гелий Снегирев (1927-1978) — украинский писатель, драматург, кинорежиссер; диссидент, друг В.П. Некрасова.

Поэтому их называют демагогами... Дзюба всегда сражается с открытым забралом... но иной раз может воспользоваться и оружием противника".

Очень жалел Ивана, когда тот как бы покался публично.

— Что там с ним делают? Как его там задавливают! — говорил он печально.

И вздыхал. Россия... Украина... Киев...

Некрасов любил говорить, что никогда не слышал — "русские киевляне", "украинские киевляне", но все говорят — "киевляне". Просто киевляне!

В очерках "По обе стороны стены" Некрасов непрерывно сравнивает. Как здесь, как там. Здесь лучше, успокаивает он себя.

Все, все тебе говорят: забудь о прошлом! А как забыть? А Киев? А Днепр? А Москва? А пляж Коктебеля? И главное — читатели-то твои? И понимаешь, что ты не жалеешь лишь о гомункулусах, о ерунде, о декорациях, о деталях. А вот о первостатейном тоскуешь. О людях тоскуешь — друзьях, знакомых, соседях по столу, попутчиках, прохожих в Пассаже и купальщиках на Днепре... Говорящих, думающих, шутящих на русском языке, твоём родном языке... И на украинском тоже. Чего там хитрить...

— Я злюсь, когда без тени иронии, чтобы обидеть, меня называют москалем, — говорил Некрасов. — Как какого-то интервента или работорговца...

Москалем его обозвали в 1975 году в Канаде местные украинцы, ярые антисоветчики и такие же русофобы. Согласен, говорил Виктор Платонович, что натерпелись они от преступлений советской власти дальше некуда. Но они хотят отрешить его, истинного киевлянина, от Украины, обвинить во всех ее бедах и отстранить от ее забот!

— Я русский, но прожил всю жизнь в Киеве! Вся моя семья глубоко чтит украинский народ! — горячился Некрасов.

И если ему бывает больно или радостно за Россию, он абсолютно так же переживает и за Украину.

— Это моя страна, Украина! — сколько раз повторял ВП.

Вместе с Иваном Дзюбой и Гелием Снегиревым Виктор Платонович выступил 29 сентября 1966 года на знаменитом митинге в честь 25-летия расстрела десятков тысяч людей в киевском Бабьем Яре. Толпа скандировала их имена. Они призывали помнить о тысячах и тысячах погибших, почтить их смерть достойным памятником, не дать поднять голову антисемитизму.

В Париже через много лет Вика возмущался памятником, наконец установленным в память расстрела в Бабьем Яре.

— Что за помпезность! Что это за мускулистые богатыри с гордо поднятыми головами! Просто непонятно, почему они сдались в плен! — саркастически вопрошал он, потрясая передо мною украинской газетой.

Но газетная вырезка в рамочке была поставлена на полку. А вскоре он объявил, что памятник хорош и такой, по крайней мере, есть где цветы положить, слезу уронить, вспомнить да задуматься...

Тогда же, после митинга в Бабьем Яре, начали таскать Некрасова по райкомам и горкомам, надо, мол, разобраться с этой сионистской провокацией.

— Ну зачем вы, Виктор Платонович, идете на поводу у сионистов?! Разве немцы расстреливали одних евреев в Бабьем Яре? Были там и русские, украинцы, наши военнопленные.

— Правильно, расстреливали не одних евреев, но только евреев убивали лишь за то, что они евреи! — отвечал он.

На него смотрели глазами мороженого окуня...

Советская власть всегда чрезвычайно опасалась людей, уважающих себя, спонтанных, бескомпромиссных. Некрасов был именно таким человеком, к тому же обаятельным, ироничным и по-настоящему тонко воспитанным.

— Зачем вам, Виктор Платонович, — говорили одни, — нужно ввязываться в эти еврейские сборища, лезть на рожон из-за этого Бабьего Яра? Все и так утрясется, не стоит ссориться с партией из-за каких-то евреев!

— Что тут удивляться! — говорили другие. — Некрасов ведь никакой не русский дворянин, он самый настоящий еврей, посмотрите на нос его матери!

Что за сволочи, злился ВП, они думают, что защищать память об уничтоженных евреях постыдно для русского человека! У них в голове не укладывается, что безответных людей кто-то защищает просто так, без задней мысли. В том числе от хамства, грязи и вранья!

Париж

